

После ухода Старшего брата Цзинь Ни нашел неподалеку от дома дедушки Чжао скрытое место с хорошим обзором и засел в ожидании.

Однако, то ли дедушка Чжао был слишком осторожен, то ли отлично маскировался, но как ни вглядывался Цзинь Ни, пока глаза не начали болеть, никаких странностей за стариком он не заметил.

Вернувшись домой, дедушка Чжао запер двери и окна, а затем принялся разводить огонь и готовить ужин. Когда с едой было покончено, совсем стемнело. Старик не решился идти спать в комнату, а сел на пороге, прижимая к себе плетеную корзину с маленьким внуком. В полумраке он начал плести бамбуковую корзинку, попутно рассказывая внуку какие-то старые забавные истории.

Младенец в пеленках, должно быть, был еще слишком мал, чтобы что-то понимать, поэтому никак не реагировал. Зато притаившийся в тени Цзинь Ни слушал с большим интересом, думая про себя, что если бы дедушка Чжао пошел работать рассказчиком в чайный домик, отбоя от посетителей у него бы не было.

Время тянулось под неспешное бормотание старика.

Когда ночь полностью вступила в свои права, Цзинь Ни наблюдал за тем, как дедушка Чжао зажег фонарь и в теплом желтом свете свечи принялся тихонько покачивать сверток, напевая колыбельную. У него даже закралось сомнение: а вдруг Старший брат ошибся?

Но тут же он отогнал эту мысль, словно назойливую муху.

Старший брат ни за что не мог ошибиться.

Цзинь Ни глубоко вздохнул, снова предельно сосредоточился и продолжил следить за дедушкой Чжао, твердо намереваясь выявить хоть какую-то зацепку.

Так он просидел, не сводя глаз с цели, четверть часа. И хотя ничего подозрительного в поведении старика не нашел, кое-что странное ему всё же бросилось в глаза.

Цзинь Ни колебался лишь мгновение, после чего прыгнул с наблюдательного пункта и, крадучись, пробрался к самой корзине.

Ситуация всё больше напоминала историю из сборника ужасов...

Дело было в том, что сверток в руках у дедушки Чжао был замотан через край, даже лица ребенка не было видно.

В голове Цзинь Ни один за другим всплывали услышанные ранее жуткие рассказы. Он вытянул шею, пытаясь разглядеть, что же именно находится внутри пеленок.

К тому же, если вспомнить: хотя в первый же день, когда они попросились на ночлег, они узнали о наличии у дедушки Чжао внука, тот всегда был плотно закутан и лежал в корзине. Старик не расставался с ним ни на миг, но на деле никто из них так и не увидел истинного облика этого «внука» и ни разу не слышал, чтобы ребенок заплакал. Он был подозрительно послушным.

Внезапно погрузившись в непроглядную тьму, Цзинь Ни испугался. Зажмурившись, чтобы привыкнуть к отсутствию света, он открыл глаза и обнаружил, что дедушка Чжао, сидевший на пороге, исчез. У порога одиноко стояла лишь пустая бамбуковая корзина.

Первым его порывом было достать талисман призыва грома, чтобы развеять чары, но мысли работали медленно, и реакция замедлилась. Рука потянулась к поясу, но двигалась словно в замедленной съемке, не в силах коснуться талисмана.

Внутри корзины обнаружилась туго спеленутая деревянная статуэтка.

В тот самый момент, когда он, вытянув шею, во все глаза уставился на содержимое, фонарь, покачивавшийся под навесом, внезапно погас.

И стоило ему опустить голову, чтобы вернуть пеленки на место, как статуэтка вдруг расплылась в улыбке и звонким детским голосом произнесла его имя:

— Цзинь Ни.

Статуэтка изображала трех-четырехлетнего ребенка. Черты лица были вырезаны искусно, глаза подведены лаком — в обычных обстоятельствах она выглядела бы очень живой и милой. Но сейчас, в этой обстановке, даже самая милая фигурка казалась пугающе зловещей.

Неужели с этим «внуком» что-то не так?

Действительно ли в пеленках младенец?

Он попался.

Голос проник в уши, и Цзинь Ни почувствовал, будто его ударили тяжелым молотом. Мысли и движения стали вязкими. Он словно провалился в густую жидкость: разум оставался ясным, но тело больше не слушалось.

У Цзинь Ни по коже пробежали мурашки. Не смея привлекать лишнего внимания, он хотел просто запеленать статуэтку обратно и уйти. Нужно было во что бы то ни стало выяснить, человек это или демон.

Хотя Цзинь Ни никогда не нянчился с детьми, он знал, что так ребенка можно легко задушить.

В этот момент из дома донеслись шаги — по всей видимости, дедушка Чжао вернулся.

Столкнувшись с этой жуткой деревянной куклой, Цзинь Ни уже боялся даже думать о том, что скрывается под добродушной и ласковой маской старика.

Он зажал пальцами край темно-красной пеленки и понемногу начал её разворачивать...

В этот момент он лишь жалел, что плохо старался в культивации, ведь сейчас его уровень — лишь Ступень Сброшенной Скорлупы: Малый успех. Если бы он достиг Сферы Забытых Мирских Уз, то, должно быть, не пришлось бы паяться так, что глаза заболели, пытаясь что-то разглядеть.

Он лихорадочно обдумывал пути отступления, лоб покрылся испариной от напряжения.

Шаги становились ближе. Голос дедушки Чжао донесся издалека, но прозвучал так близко, словно старик стоял прямо у него над ухом:

— Линшань, дедушка принес тебе погремушку.

Теплый свет свечи наполнил пространство. Дедушка Чжао с новым фонарем в руке замер, увидев Цзинь Ни, застывшего в нелепой позе, и тяжело вздохнул.

Цзинь Ни: «...»

Неужели его разоблачили? И теперь, когда маска сброшена, он собирается его прикончить?

Мне конец.

Он вытаращил глаза, глядя на старика, хотя внутри уже всю паниковал, пытаясь рукой дотянуться до талисмана на поясе.

Быстрее, еще немного!

Пока Цзинь Ни мысленно кричал от отчаяния, дедушка Чжао двинулся с места.

Он поставил фонарь на землю, подошел к корзине, поднял деревянную статуэтку и, словно успокаивая ребенка, погладил её:

— Этот мастер не злой человек, позволь ему уйти.

Статуэтка надела лицо человеческим выражением, повернула глаза к Цзинь Ни и моргнула.

Оковы, сковывавшие Цзинь Ни, мгновенно исчезли.

Он вцепился в талисман и тут же отскочил на безопасное расстояние, настороженно глядя на дедушку Чжао:

— Кто ты такой на самом деле?

— Я всего лишь охотник из поселка Наньхуай. Мои предки из поколения в поколение жили лесом, и я прожил здесь десятки лет, — дедушка Чжао тщательно завернул статуэтку в пеленки и положил обратно в корзину. — Сын с невесткой ушли, остались только старик да внук, поддерживающие друг друга. Мы никому не причинили вреда и не хотим создавать проблем мастеру, поэтому прошу и вас не создавать проблем нам.

Он закинул корзину на спину, поднял с земли фонарь и, обойдя Цзинь Ни, направился прочь из двора.

Цзинь Ни посмотрел на удаляющуюся шаткую фигуру старика и, помедлив, всё же спросил вдогонку:

— А как же старый лес и исчезнувшие люди? Это как-то связано с вами?

Дедушка Чжао остановился, оглянулся и произнес:

— Мы, охотники, веками свято чтим одну истину: каждое дерево в горах — это чья-то душа. Не бери того, что тебе не принадлежит. А если взял — рано или поздно придется вернуть.

Сказав это, он, не оборачиваясь, скрылся в темноте.

Цзинь Ни смотрел ему вслед, долго колебался, но всё же не решился преследовать, а остался ждать возвращения Старшего брата.

*

Когда Му Цунъюнь подрос, он застал Цзинь Ни сидящим на крыше дома Чжао и тяжело вздыхающим.

В доме было темно и пусто — людей и след простыл.

— Где они?

Му Цунъюнь никак не ожидал, что всего за одну ночь объект наблюдения будет упущен.

Увидев его, Цзинь Ни приободрился и рассказал обо всем, что произошло. Нахмурившись, он пытался понять:

— Что всё это значит? Какую вещь, которую нельзя было брать, забрали жители поселка? Но ведь старший брат Фан Мин и остальные только прибыли в поселок, это как-то не вяжется, не так ли?

Му Цунъюнь сам терзался множеством вопросов, на которые пока не нашел ответов.

Раз не выходит додуматься, лучше снова отправиться в старый лес, возможно, там найдется разгадка.

Он протянул ножны Цзинь Ни, и они под покровом ночи отправились в лес на мечях.

Пожирающий туман был поглощен той самой драконьей расой неизвестного происхождения, а остатки были почти полностью очищены за прошедшее время Барьером Десяти Сторон.

Теперь, когда серая мгла рассеялась, в старом лесу впервые за долгое время была ясная ночь.

Только вот густые деревья были повалены целыми рядами, а земля изрыта глубокими ямами, оставшимися после вырванных с корнем стволов.

Цзинь Ни вызвался идти впереди и прокладывать путь.

Хотя его уровень культивации был невысок, он обладал немалой силой. Наклонившись, чтобы убрать упавшее дерево, он вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за руку, и услышал слабый голос:

— Спа... спасите...

Цзинь Ни на рефlekсах хотел отбросить ствол, но голос показался ему знакомым, и он неуверенно произнес:

— Младший брат Сюй?

— Это я, это я! Старший брат Цзинь, это ты?

Хватка на его руке стала сильнее, голос дрожал от очевидного волнения.

Цзинь Ни молча смотрел на руку, которая, казалось, выросла прямо из ствола дерева, и потянулся к мечу:

— Младший брат, подожди, сейчас я разрублю дерево и вытащу тебя!

Он уже собрался нанести удар, как вдруг Му Цунъюнь прижал его плечо ножами.

— Я сам.

Он помнил, что, когда они рубили те странные деревья, внутри оказывалась не плоть и кровь, а ветви диковинного растения. Хоть мутации и прекратились, люди всё еще были сращены с деревьями. Если нанести удар неверно, человека можно было погубить.

— Сдержи ци, — наставил Му Цунъюнь.

Бэйтянь рубит только демонов, людей он не трогает. Му Цунъюнь взмахнул мечом — ствол сверху донизу аккуратно рассекся надвое, обнажив скрюченную, полуголую фигуру человека.

Спасшийся от смерти Сюй Яо остолбенел, а осознав, что произошло, пришел в неистовый восторг. Он, спотыкаясь, выбрался на землю и уже хотел было броситься в объятия своего спасителя, чтобы выразить благодарность —

Он уже подался вперед, но, наткнувшись на холодный, равнодушный взгляд Му Цунъюня, внезапно опомнился и, резко развернувшись, вцепился в Цзинь Ни.

— Я уж думал, что мне пришел конец, у-у-у... — он плакал и смеялся одновременно, вытирая сопли и слезы о одежду Цзинь Ни.

Сюй Яо был учеником внешней секты дворца Тяньцзи. Его уровень культивации был еще на три малых ступени ниже, чем у Цзинь Ни. В этот раз, когда Барьер Десяти Сторон затрясло, а на границах Центральной и Восточной провинций участились аномалии, всех учеников девяти дворцов Сюаньлина, достигших как минимум Ступени Сброшенной Скорлупы: Малый успех, отправили разбираться с последствиями.

Ученики вроде Сюй Яо, чьего уровня было недостаточно — лишь Ступень Сброшенной Скорлупы: Средняя ступень, — должны были оставаться в секте. Но поскольку Му Цунъюня в спешном порядке направили на подкрепление в поселок Наньхуай, людей катастрофически не хватало, и даже таких слабых учеников, как Сюй Яо, пришлось взять для счета.

Му Цунъюнь смотрел на двух обнимающихся подростков, и его нахмуренные брови расслабились.

К счастью, не опоздали.

Он долгие годы предавался уединенному совершенствованию в Минъюэ Цанлу и до этого момента ни разу не покидал пределы гор Сюаньлин.

Учитель знал его характер и никогда не принуждал.

Лишь в этот раз, когда в Наньхуае начались бедствия, Учитель вопреки своим правилам нашел его и приказал вместе с Цзинь Ни отправиться на подмогу.

Он вспомнил, как перед уходом из Сюаньлина Учитель спросил его:

— Знаешь ли ты, что значит быть человеком?

Он, не обладая великой мудростью, ответил честно:

— Учитель и я — мы и есть люди.

Учитель покачал головой:

— Я — да, но ты еще нет.

Если бы Му Цунъюнь не знал характера Учителя, он мог бы подумать, что тот его ругает.

Он не понимал.

Учитель лишь вздохнул:

— То, что ты чувствуешь боль, говорит лишь о том, что ты жив. Но по-настоящему человеком станешь лишь тогда, когда сможешь чувствовать чужую боль.

Он добавил:

— Цунъюнь, тебе пора научиться выходить наружу. Взгляни на этот мир и его многообразие.

<http://bllate.org/book/21007/2135819>